

Е.А. Абрамова*

**СВЯЗКА «БЕЗОПАСНОСТЬ — РАЗВИТИЕ»
ВО ФРАНЦУЗСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ:
ОСМЫСЛЯЯ ПОЛИТИКУ ФРАНЦИИ
В СТРАНАХ ЗОНЫ САХЕЛЯ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Африки Российской академии наук»
123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1*

На фоне нарастания антифранцузских настроений в регионе Сахеля в отечественной и зарубежной академической среде активизировались дискуссии относительно причин явного кризиса, если не сказать — провала африканской политики Пятой республики. В то же время эти дискуссии, как правило, обходят стороной концепт так называемой связки «безопасность — развитие», который, между тем, был одной из ключевых детерминант, определявших подходы Франции к странам Сахеля. Обращение к опыту осмысления данного конструкта французским экспертным сообществом представляется исключительно интересным еще и потому, что позволяет выявить специфику и принципы организации концептуально-теоретического сопровождения внешней политики Франции в отношении африканских стран в целом. В первом разделе статьи дается характеристика французской системы государственного управления на африканском направлении и описывается модель институциональной организации национальной экспертизы по проблемам безопасности и развития Черного континента, включая выявление аффилиаций наиболее видных ее представителей. Отмечается, что эти экспертно-аналитические структуры и отдельные исследователи находятся под значительным влиянием или даже прямым патронажем органов государственной власти Франции. Во втором разделе рассматривается непростой процесс адаптации французских научно-исследовательских кругов к секьюритизации повестки содействия международному развитию в 2000-е годы, что, в частности, проявилось в их первоначально скептическом отношении к привнесенному из

* Абрамова Екатерина Александровна — младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС, аспирант Института Африки РАН (e-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru; ORCID: 0009-0004-6761-4215).

англосаксонской политической мысли дискурсу о «хрупких» государствах и концепту «связки». В третьем разделе анализируется процесс актуализации и инструментализации «связки» в африканской политике Франции и во французской научно-исследовательской мысли на фоне обострения кризиса в регионе Сахеля в 2010-е годы. Подчеркивается, что связанные с этим процессом экспертные дискуссии были сосредоточены на решении двух задач: выявлении внутренних и внешних причин сахельского кризиса и формулировании практических рекомендаций для французского правительства по выходу из него. В четвертом разделе рассматриваются оценки итогов военного присутствия Франции в Сахеле представителями французского экспертного сообщества. В заключении делается вывод, что кризис политики «Франсафрик» был вызван как объективными причинами «на земле» (отсутствием продуманной стратегии выхода из вооруженного конфликта, преобладанием соображений безопасности над повесткой развития), так и затрудненной обратной связью между государством и экспертными кругами.

Ключевые слова: Франция, Сахель, Африка южнее Сахары, «Франс-африк», связка «безопасность — развитие», содействие международному развитию, секьюритизация, африканистика, Мали, операция «Сервал», операция «Бархан»

Для цитирования: Абрамова Е.А. Связка «безопасность — развитие» во французском научном дискурсе: осмысляя политику Франции в странах зоны Сахеля // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 139–178. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-139-178.

Ekaterina A. Abramova

**‘SECURITY — DEVELOPMENT’ NEXUS
IN FRENCH ACADEMIC DISCOURSE:
ON FRANCE’S POLICY IN THE SAHEL**

*Institute for African Studies
Russian Academy of Sciences
30/1 Spiridonovka, Moscow, Russia, 123001*

Against the backdrop of rising anti-French sentiments in the Sahel region, debates have intensified within both Russian and foreign scholars regarding the reasons for the apparent crisis, if not the failure, of the Fifth Republic’s African policy. At the same time, these discussions tend to ignore the concept of the

so-called 'security-development nexus', which, meanwhile, was one of the key determinants shaping France's approaches to the Sahel countries. An examination of the French experts' understanding of this construct is particularly interesting because it reveals the specifics and principles of the conceptual-theoretical framework underlying France's foreign policy toward African countries in general. The first section assesses the French public administration system on the African track and describes the institutional organization of national expertise on security and development issues in Africa, including identifying the affiliations of its most prominent representatives. The author notes that these think tanks and individual researchers are subject to French state authorities' significant influence or even direct patronage. The second section examines the complex process of the adaptation of French research circles to the securitization of the international development agenda in the 2000s, as they were initially highly skeptical toward the discourse on 'fragile' states and the 'nexus' concept, borne of the Anglo-Saxon political thought. The third section analyzes the internalization and instrumentalization of the 'nexus' in France's African policy and in French academic discourse against the backdrop of the escalating crisis in the Sahel region in the 2010s. The author emphasizes that the expert debates related to this process focused on solving two tasks: identifying the internal and external causes of the Sahel crisis and formulating practical recommendations for the French government on how to resolve it. The fourth section considers how French experts assess the outcomes of France's military presence in the Sahel. In conclusion, the author argues that the crisis of the 'Françafrique' policy was caused by both objective reasons 'on the ground' (the lack of a coherent exit strategy from armed conflicts, the predominance of security considerations over the development agenda) and by hampered feedback between the state and expert circles.

Keywords: France, Sahel, Sub-Saharan Africa, Françafrique, security–development nexus, international development assistance, securitization, African studies, Mali, Operation Serval, Operation Barkhan

About the author: Ekaterina A. Abramova — PhD Candidate, Junior Research Fellow, Centre for African Strategy in BRICS, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru; ORCID: 0009-0004-6761-4215).

For citation: Abramova E.A. 2025. 'Security — development' nexus in French academic discourse: On France's policy in the Sahel. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 139–178. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-139-178. (In Russ.)

Настоящая статья развилась на основе исследования, посвященного роли экспертного сообщества во внешнеполитическом планировании Франции на африканском направлении [Дегтерев, Абрамова, 2024]. В ходе него была визуализирована система научно-аналитического обеспечения политики Франции в Африке, выявлен круг экспертов, работающих на стыке тематических направлений африканистики, проблем развития и вопросов международной безопасности, и сделано заключение о затрудненной обратной связи, практически не позволяющей экспертному сообществу вносить корректировки в процесс выработки решений по африканскому вектору французской внешней политики. Тем не менее обобщения столь высокого уровня определили «задел» для конкретизации и отсылки, как видится, к наиболее релевантному в данном контексте сахельскому «кейсу».

С начала 2020-х годов в российской экспертной среде активизировались дискуссии, связанные с бурными трансформациями политического ландшафта на пространстве пояса Сахеля. Пришедшие на волне антифранцузских настроений в 2020–2023 гг. новые лидеры Мали, Буркина-Фасо и Нигера избрали курс на суверенизацию посредством разрыва центр-периферийных отношений с западными партнерами и формирования регионального объединения (сначала Альянса государств Сахеля, а впоследствии — Конфедерации Сахельского альянса) на принципах «коллективной опоры на собственные силы» [Дегтерев, 2024]. Это придало мощный импульс и активизации дискуссий вокруг кризиса политики «Франсафрик» [см.: Африканский вектор внешней политики Франции..., 2024; Филиппов, 2024].

Однако при осмыслении французской стратегии в поясе Сахеля отечественные эксперты, как правило, упускают из виду идейный концепт, основанный на взаимосвязи проблем безопасности и развития (связка «безопасность — развитие») (*security-development nexus*), а ведь именно этот теоретический конструкт, который выражается формулой «*нет безопасности без развития, как и развития без безопасности*», можно назвать одной из детерминант, определявшей подход Франции к урегулированию сахельского кризиса. Это подтверждалось не только изменениями в структуре, объемах и направленности французской официальной помощи развитию (ОПР) стран Сахеля на фоне проведения контртеррористических операций «Сервал» и «Бархан», но и на уровне стратегического планирования,

например, когда в начале президентского срока Э. Макрона (с 2017 г.) была выдвинута концепция «3D» (Diplomatie, Défense, Développement — дипломатия, безопасность, развитие)¹. Данный подход, предполагавший сопряжение инициатив одновременно в трех измерениях сотрудничества, был заимствован из опыта взаимодействия США с «хрупкими государствами» при президенте Дж. Буше-мл. [Marchesin, 2016]. Именно с этим периодом американской истории связывают утверждение идеи секьюритизации² повестки развития (т.е. восприятия проблем в области развития в качестве угроз для национальной безопасности США), прологом к чему стали события 11 сентября 2001 г. [Бартенев, 2011].

Распространение сепаратистских и экстремистских настроений в странах зоны Сахеля с начала 2010-х годов (с эпицентром в Мали), по мнению многих представителей международного экспертного сообщества, было очередным случаем, который следовало рассматривать, выражаясь простыми словами, в логике «бедность — насилие»³. В числе таких экспертов — французские исследователи, посвятившие не одну работу концепту связки «безопасность — развитие» применительно к урегулированию сахельского кризиса. Обращение к опыту осмысления данного конструкта французским экспертным сообществом вовсе не представляется самоцелью. Значимость данного исследования не ограничивается пределами «созерцательной» науки [см. подробнее: Дегтерев, 2023], хотя и предполагает перспективу некоторого обобщения и обогащения теоретических интерпретаций концепта «связки», специфики его реализации во внешней политике западных акторов. Первостепенными задачами виделись осмысление специфики концептуально-теоретического

¹ La France au Sahel, l'approche 3D // AFD. February 2020. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/la-france-au-sahel-lapproche-3d> (accessed: 05.06.2025).

² Концепция «секьюритизации» была введена в научный оборот Копенгагенской школой исследований безопасности и служила целям деконструкции национального дискурса. Повестка безопасности, согласно теории, формируется в соответствии с тем, какие угрозы для референтного объекта (безопасность которого нужно обеспечить) обозначаются секьюритизирующим актором — независимо от природы и характера этих угроз [Buzan, 1997]. Секьюритизация проблем развития нашла концептуальное воплощение в концепте связки «безопасность — развитие», предложенной в 1980-х годах шведским ученым Б. Хеттне.

³ См., например: Rapport d'information № 728 (2015–2016) «Sahel: repenser l'aide publique au développement» // Sénat. 29.06.2016. Available at: <https://www.senat.fr/rap/r15-728/r15-728.html> (accessed: 05.06.2025).

сопровождения участия Франции в урегулировании кризиса в Сахеле (с момента ее вовлечения и до подведения неутешительных итогов французского присутствия) и выявление основных движущих сил при формировании нарратива «связки» во Франции. Другими словами, в фокусе исследования — не только «конечный продукт» французской аналитики, но и технологический процесс его изготовления на национальных «фабриках мысли». Последнее невозможно без рассмотрения институциональных особенностей принятия внешнеполитических решений и организации исследовательской среды во Франции, как и без определения наиболее видных персоналий, задействованных в механизме научно-аналитического сопровождения французской политики в регионе Сахеля.

Особенности экспертного обеспечения внешней политики Франции: африканский вектор

Решение главы Пятой республики Ф. Олланда (2012–2017) о вооруженном вмешательстве с января 2013 г. в малийский конфликт (в формате операций «Сервал», с 2014 г. — «Бархан») не предварялось парламентскими дебатами⁴. Такой односторонний характер принятия решений был обусловлен системными особенностями Пятой республики и при этом отвечал обозначенной Ф. Олландом в начале своего президентского срока формуле «присутствия в Африке» («отдавать предпочтение реагированию, нежели перманентному присутствию»⁵) [Gaulme, 2013]. По замыслу основателя республики Ш. де Голля, общенациональное государство, направляемое сильной и волевой властью, было призвано стать антиподом неустойчивым и слабым режимам партий Третьей и Четвертой республик: «Вся наша История — это череда трагедий, когда мы разобщены, и великих взлетов, когда мы, как свободная нация, объединены под эгидой сильного государства»⁶. Президенту отведена центральная роль в системе государственного устройства Франции. Любые вопросы

⁴ Оно было принято по итогам консультации с Советом по обороне и национальной безопасности, в работе которого участвуют президент, премьер-министр и главы ключевых в данном вопросе министерств.

⁵ Le discours de François Hollande à Dakar (12 octobre 2012) // Ambassade de France en Guinée et en Sierra Leone. 02.09.2024. Available at: <https://gn.ambafrance.org/Les-discours-de-Francois-Hollande-a> (accessed: 05.06.2025).

⁶ Речь генерала де Голля в Байё 16 июня 1946 г. // ВикиЧтение. Доступ: <https://military.wikireading.ru/45680> (дата обращения: 05.06.2025).

высокой международной политики, непосредственно связанные с ключевым в контексте голлистской доктрины понятием «величия», относятся к сфере его — в сущности, исключительных — компетенций.

То же самое применительно и к африканскому вектору — особому измерению внешней политики бывшей метрополии. Сети военно-политического и экономического влияния⁷, совокупность лоббистских групп, призванные увековечить французское присутствие в бывших колониях, получили название «Франсафрик» [Филиппов, 2024: 145]. Благодаря французскому публицисту Ф.-К. Вершаву (1945–2005), наполнившему прежде нейтральный термин новым содержанием, «преступления “Франсафрик” стали достоянием гласности» [Филиппов, 2022b: 76]. После выхода его книги «Франсафрик. Самый долгий скандал Республики» («La Françafrique. Le plus long scandale de la République») в 1998 г. это известное в узких экспертных кругах понятие вошло в широкий обиход. Под термином «сотрудничество», который позволял отвести в сторону обвинения в колониализме, был замаскирован более гибкий и менее громоздкий империализм нового типа, констатируется в книге с символическим названием «Империя, которая не хочет умирать. История Франсафрик» [L'empire qui ne veut pas mourir..., 2021: 16]. «Франция обеспечивала безопасность “дружественных” режимов в странах Западной Африки и в свою очередь ожидала от них полной лояльности в международных делах. В случае же попыток государственного переворота в этих странах Франция всенепременно вмешивалась для восстановления внутренней стабильности», — прямым текстом сказано в докладе Комиссии по иностранным делам Национального собрания Пятой республики⁸. Главным архитектором системы «Франсафрик» принято считать сподвижника Ш. де Голля генерального секретаря Елисейского дворца по африканским и мальгашским делам (1960–1974) Ж. Фоккара. Вместе с тем, хотя система «Франсафрик» во многом

⁷ С провозглашением независимости от Франции африканские государства (среди них и страны Сахеля) оказались связаны с бывшей метрополией посредством двусторонних договоров о сотрудничестве, позволивших сохранить центр-периферийный характер экономических отношений и французское военное присутствие на континенте.

⁸ Rapport d'information № 1841 (16e législature) // Assemblée Nationale. 08.11.2023. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/l16b1841_rapport-information# (accessed: 05.06.2025).

базируется на персональных связях между элитарными кругами Франции и лояльными им бывшими африканскими колониями, было бы недопустимым упрощением сводить ее к конкретной фигуре, даже столь легендарной, как Ж. Фоккар [L'empire qui ne veut pas mourir..., 2021: 13–14]. Тем более что в противном случае его уход с политической авансцены ознаменовал бы собой и крушение этой системы, чего в итоге не произошло. Раздававшиеся с начала 2000-х годов высказывания о приближающемся конце «Франсафрик» в реальности были связаны с недостаточным пониманием природы данного феномена [L'empire qui ne veut pas mourir..., 2021: 9]. Эта гибкая система позволила французскому колониализму пережить деколонизацию и в последующие десятилетия умело адаптировалась к менявшейся международной обстановке, реформировалась всякий раз, когда сталкивалась с экзистенциальной угрозой [L'empire qui ne veut pas mourir..., 2021: 14].

Африканская повестка так или иначе соотносилась с кругом компетенций МИД, отдельного Министерства сотрудничества, а также Министерства финансов⁹ [Meimon, 2007], однако реформаторские амбиции молодого министра сотрудничества Ж.-П. Кота (1981–1982) относительно окутанной клиентельскими связями системы «Франсафрик» [Филиппов, 2022b] в свое время натолкнулись на серьезное ограничение: «...решения по африканскому направлению принимались не на улице Месье (Monsieur)¹⁰, а в Елисейском дворце» [Jacquemot, 2010: 128]. По итогам реформы 1998 г. произошло слияние Министерства сотрудничества с системой МИД [Meimon, 2007; Jacquemot, 2010]. Стратегические вопросы политики помощи передали в ведение Межминистерского комитета по вопросам сотрудничества и развития (Le Comité interministériel de la coopération internationale et du développement, CICID), возглавляемого премьер-министром, но на практике курируемого из Берси (Министерства финансов) и набережной Орсе (МИД) [Jacquemot, 2010]. Французский фонд развития (Caisse Française de Développement), преобразованный в агентство (Французское агентство развития, ФАР; Agence Française de Développement, AFD), получил статус «ключевого оператора» помощи (*opérateur-pivot*), существенно расширив поле своей деятельности,

⁹ Особенностью международной политики Франции была и остается весомая роль финансового ведомства, контролировавшего порядка 40% французской официальной помощи развитию [Marchesin, 2016: 68; Jacquemot, 2010: 129].

¹⁰ Там располагалось руководимое им Министерство.

в том числе заполнив образовавшийся интеллектуальный вакуум во французской девелопменталистике (см. далее о журнале «Современная Африка»). В конечном счете упразднение Министерства сотрудничества способствовало еще большей концентрации рычагов управления на африканском направлении в руках президентской власти, которая не смогла выстроить эффективную межведомственную координацию в новой системе. Показательный пример: посол Франции в Мали был проинформирован о запуске операции «Сервал» только днем 11 января, тогда как последняя велась еще с ночи¹¹. В такой гиперцентрализованной системе альтернативные мнения, в том числе исходящие от экспертного сообщества, нередко игнорируются, а политические решения, по сути, принимаются в некотором информационном вакууме. Неудивительно, что африканский вектор международной политики Франции в последнее время всё чаще критикуется за отсутствие долгосрочной стратегии, которая позволила бы предвосхищать возможные угрозы, а не только реагировать на них постфактум¹².

Централизованный характер государственного управления отчетливо проявился и в специфике организации французской научно-исследовательской среды, в которой главная роль отведена крупным государственным научным центрам при второстепенной роли учреждений высшей школы [Кравцов, Черноуцан, 2020]. Французские исследования в области африканистики организуются в рамках разветвленной системы государственных научных учреждений¹³, университетов¹⁴ и «продуктов» их коллаборации, в частности, в формате ассоциированных научно-исследовательских лабораторий (L'unité mixte de recherche, UMR), редакции (издательства) научного журнала «Африканская политика» («Politique Africaine») и т.д. [Дегтерев, Абрамова, 2024]. Причем деятельность соответствующих исследовательских структур курируется не только из Министерства образования и науки, но также из французских

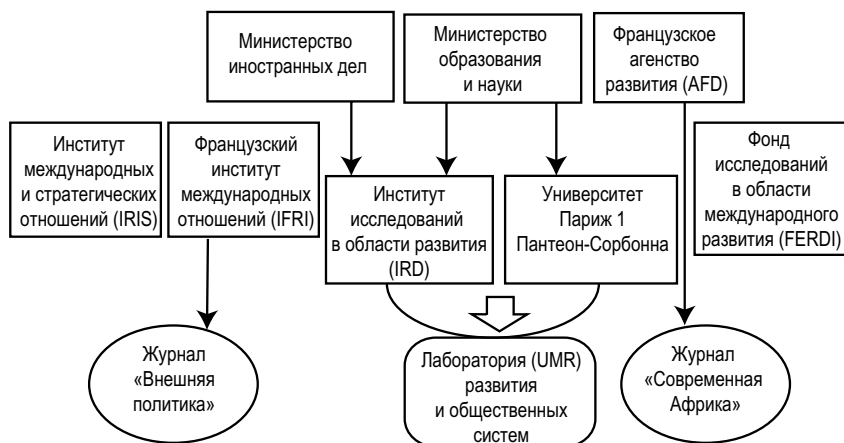
¹¹ Rapport d'information № 1841 (16e législature) // Assemblée Nationale. 08.11.2023. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/l16b1841_rapport-information# (accessed: 05.06.2025).

¹² Ibidem.

¹³ Два ключевых таких учреждения — Национальный центр научных исследований (Centre national de la recherche scientifique, CNRS) и Институт исследований в области развития (Institut de recherche pour le développement, IRD).

¹⁴ Сорбонна, Сьенс-По, Высшая школа социальных наук и др.

ведомств, ответственных за реализацию международной политики Франции (МИД и ФАР). Исследовательские структуры, специализирующиеся на вопросах безопасности и развития Африканского континента, как и, собственно, на проблеме их взаимосвязи, также отчетливо вписываются в государственную систему под патронажем перечисленных министерств и агентства развития (рисунок).

**Система французской экспертизы
по проблемам безопасности и развития Африканского континента**

Источник: составлено автором.

Исключение составляют разве что крупнейшие не зависящие от государственного финансирования «мозговые центры» — Французский институт международных отношений (Institut français des relations internationales, IFRI) и Институт международных и стратегических отношений (Institut de relations internationales et stratégiques, IRIS). Однако такой статус IFRI отнюдь не мешает ему сотрудничать с МИД Франции и ФАР [см., например: Gaulme, 2011b], выступая в числе флагманских «мозговых центров» в формировании дискурса «безопасность — развитие» во Франции, в том числе на страницах старейшего французского журнала в области международных отношений «Внешняя политика» («Politique Etrangère»). Когда в 2019 г. зашла речь об отстаивании «исследовательского суверенитета», многие сотрудники IFRI выступили в числе 200 экспертов в поддержку редакции другого не менее известного французского журнала — «Со-

временная Африка» («Afrique Contemporaine»). Приобретя в 2003 г. права на владение журналом, пусть и с предоставлением значительной автономии его редакционной коллегии, ФАР получило рупор для аналитического сопровождения своей деятельности. Скандал между редакцией журнала и его финансовым спонсором разгорелся вокруг отказа последнего публиковать в журнале материалы, которые якобы односторонне освещали ситуацию в Мали¹⁵. По прошествии нескольких кризисных лет, ознаменовавшихся отставкой главного редактора М.-А. Перуза де Монкло и отказом ФАР финансировать деятельность журнала, одиннадцать членов редакции образовали ассоциацию «Новая современная Африка», продолжив его издание. Среди них — бывшие редакторы журнала, эксперты по вопросам безопасности и развития Африканского континента с опытом работы в ФАР (Ф. Гольм, Ж.-Б. Верон).

В курируемом одновременно двумя министерствами Институте исследований в области развития (Institut de recherche pour le développement, IRD) работает целая плеяда экспертов-африканистов, в том числе упомянутый М.-А. Перуз де Монкло, как и не менее известный специалист — Ж.-М. Шатенье, некогда находившийся на должности Специального посланника Франции и ЕС в государствах Сахеля. С 2008 г. совместно с Институтом исследований в области развития Сорбонны (Париж 1 Пантеон-Сорбонна) функционирует лаборатория Развития и общественных систем (UMR Développement et Sociétés). Сорбоннский университет в Париже связан с именем еще одного исследователя-африканиста Ф. Маршезана, лектора курсов, посвященных тематике содействия международному развитию (CMP) и взаимодействия по линии Север–Юг.

С 2003 г. во Франции действует Фонд исследований в области международного развития (Fondation pour les études et recherches sur le développement international, FERDI)¹⁶ — независимая некоммерческая организация, которая, тем не менее, почти на четверть зависит от государственного финансирования. Фонд, к работе в котором были привлечены как французские эксперты (среди них — экс-директор Всемирного банка, сотрудник IRIS С. Михайлоф), так и их

¹⁵ Revue «Afrique contemporaine»: la réaction de l'AFD // AFD. 26.03.2019. Available at: <https://www.afd.fr/fr/actualites/revue-afrique-contemporaine-la-reaction-de-lafd> (accessed: 05.06.2025).

¹⁶ Fondation pour les études et recherches sur le développement international. Available at: <https://ferdi.fr/> (accessed: 05.06.2025).

коллеги из-за рубежа (например, ведущий британский экономист по вопросам развития П. Коллиер), издает различные аналитические доклады при поддержке правительства Франции. С 2018 г. в структуре FERDI выделилось самостоятельное подразделение, занимающееся проблемами развития в Сахеле (в г. Уагадугу под председательством бывшего премьер-министра Буркина-Фасо Т. Зонго). Примечательно в контексте данного исследования, что инициатива создания этого подразделения возникла вследствие публикации под эгидой FERDI книги «Сочетать безопасность и развитие: призывы для Сахеля» («Allier sécurité et développement: Plaidoyer pour le Sahel») и того резонанса, который она вызвала (табл. 1).

Таблица 1

**Аффилиация французских африканистов,
специализирующихся на проблемах безопасности и развития**

Исследователь	МИД/ФАР	Научно-исследовательские центры IRD/IFRI/ IRIS/FERDI	Французские университеты	Журналы «Современная Африка» / «Внешняя политика» (AC) / (PE)
Жан-Марк Шатенье (Jean-Marc Châtaigner)	МИД, ФАР	IRD	–	AC (П) PE (П)
Филипп Маршезан (Philippe Marchesin)	–	–	Париж 1 Пантеон-Сорбонна	–
Франсуа Гольм (François Gaulme)	МИД, ФАР	IFRI	Сьянс-По Париж	AC (Р; П) PE (П)
Серж Михайлоф (Serge Michailof)	ФАР	IRIS FERDI	Сорбонна, Сьянс-По Париж	PE (П)
Жан-Бернар Верон (Jean-Bernard Véron)	ФАР	–	–	AC (Р; П)
Марк-Антуан Перуз де Монкло (Marc-Antoine Perouse de Montclos)	–	IRD	Университет Париж-8	AC (Р; П)

Примечание: Р — редакторство; П — публикация.

В табл. 1 продемонстрировано, что осмысление концепта «связки» во Франции происходило в среде экспертов-африканистов, многие из которых аффилированы в прошлом или настоящем с французской государственной службой. Так, исследователи, аффилированные с французскими независимыми «мозговыми центрами» (IFRI, IRIS), имеют профессиональный опыт в МИД, ФАР и в той или иной форме поддерживали научные контакты с данными ведомствами — в качестве редакторов журнала «Современная Африка» или же авторов аналитических материалов под эгидой ФАР/МИД. М.-А. Перуз де Монкло разорвал связи с ФАР, уйдя в отставку с поста главного редактора курируемого агентством журнала, однако работает в государственном учреждении (IRD), подотчетном не только Министерству образования и науки, но и МИД. В категорию внесистемного (т.е. независимого) исследователя в большей степени попадает Ф. Маршезан, аффилированный с Университетом Сорбонны в первую очередь в качестве преподавателя. Возникает закономерный, на наш взгляд, вопрос о том, имел ли процесс интеграции концепта «связки» в научный оборот в случае Франции эндогенную природу или же был следствием централизованного процесса принятия внешнеполитических решений (со вспомогательной и эпизодической ролью исследовательских кругов)? Иными словами, кто выступал инициатором данного дискурса — органы государственной власти, формулировавшие соответствующие запросы в адрес экспертного сообщества, или же непосредственно исследовательская среда в ответ на объективные международные тенденции?

Концепт связи «безопасность — развитие»: трудная адаптация к французским реалиям

Процесс секьюритизации повестки СМР¹⁷, мощным катализатором которого стали события 11 сентября 2001 г. [Châtaigner, 2004; Veron, 2004; Châtaigner, Gaulme, 2005; Gaulme, 2011a, 2011b; Marchesin, 2016], не только определил американский внешнеполитический вектор в начале XXI в., но и приобрел глобальный охват. В какой-то

¹⁷ Следует сделать оговорку: некоторые исследователи небезосновательно постулируют, что речь идет всё-таки не о «секьюритизации», а о «ресекьюритизации» повестки международной помощи, изначально вписанной в контекст биполярной конфронтации. Под самим же понятием подразумевается подчинение политики содействия развитию императивам глобальной и национальной безопасности [Бартенев, 2011].

степени это было сопряжено с проблемой «вакуума легитимности» деятельности международных доноров в отсутствие биполярной конфронтации [Véron, 2004; Châtaigner, 2006]. Вектор секьюритизации (*security turn*) во французской стратегии в сфере СМР обозначился в середине 2000-х годов: с 2005 г. в ежегодных отчетах ФАР начал фигурировать раздел «Хрупкие государства и урегулирование конфликтов» («Fragile States and Conflict Resolution») [Marchesin, 2016: 65]. Надо сказать, что в вопросе концептуальной проработки проблематики «хрупких государств» Франция явно не находилась в авангарде, в отличие от США, Великобритании или же Германии [Gaulme, 2010: 729; Marchesin, 2016: 65]. Французские экспертные дискуссии на рубеже веков, как правило, были сосредоточены вокруг концепции «приватизации государства» (*la privatisation des Etats*) или же, напротив, геополитических теорий, оказавшись в меньшей степени затронутыми влиянием англосаксонского концепта [Gaulme, 2010: 731]. В некотором смысле противопоставление англофонному миру, скепсис в отношении продукта англосаксонской мысли и определили французский подход к осмыслению взаимосвязи проблем безопасности и развития, по крайней мере на первых порах.

Большинство франкофонных исследователей (исключение — представители Канады, Швейцарии) разделяли аргументацию критиков «связки», апеллировавших к неопределенности содержания этой концепции [см. подробнее: Бартенев, 2015: 85–88; Юдин, 2016]. Пожалуй, особенно наглядно это проявилось в дискурсе о «несостоявшихся» и «хрупких» государствах — англосаксонских по своему происхождению концепциях, которые французское экспертное сообщество долгое время сознательно игнорировало или же и вовсе отвергало. Запутанные перипетии теоретической концептуализации и практического применения вызвали незначительный отклик во Франции — как на дипломатическом треке, так и в научно-академической среде [Gaulme, 2011a: 19]. Проблемы возникли еще на стадии решения лингвистических казусов, связанных с переводом понятий с языка Шекспира на язык Мольера, не говоря уже об уточнении их дефиниций. В качестве аналога английского причастия *failed* («несостоявшийся») зачастую используется французское *failli*, которое, по сути, является калькой с английского языка, однако имеет другой, более специфический, контекст употребления (финансовый крах, банкротство). Более алармистский оттенок имеет причастие *effon-*

dré (collapsed), означающее крах политики, в то время как географ Дж. Даймонд употреблял это понятие в куда более широком смысле, говоря о падении цивилизаций как таковых [Gaulme, 2011a: 19].

От в строгом смысле политологического понятия *collapsed state* (классическим примером которого служил Сомали) произошел отход в сторону более широкой и комплексной концепции *failed state*, уступившей в середине 2000-х годов менее категоричному «диагнозу» — *fragile state*, что едва ли разрешило «спор о понятиях» [Châtaigner, Gaulme, 2005]. Этим была обусловлена распространенная тенденция ограничиваться минималистским подходом в определении «хрупких государств» [Gaulme, 2011a: 23]. Путь «наименьшего сопротивления» избрала и Французская Республика, которая, в отличие от других крупнейших двусторонних и многосторонних доноров, не формировала списки «хрупких государств», дабы не погружаться в сложные дискуссии в попытке найти наиболее точное и одновременно комплексное определение [Gaulme, 2011a: 24]. По сути, дефиницию данного понятия выводили с помощью описательного подхода, а именно перечисления характеристик состояния такого государства¹⁸ [Gaulme, 2011a: 24]. Вместе с тем в оправдание минималистского подхода французские эксперты всячески подчеркивали, что таким образом они «открещиваются» от стремления стигматизировать дискурс посредством «навешивания ярлыков» и занесения в «черный список» [Chataigner, Gaulme 2005: 3; Marchesin, 2016: 67].

Изначально неохотно инкорпориовавшие концепцию «хрупких государств» французские ведомства и исследовательские институты, впрочем, настороженно отнеслись и к перспективе монополизации международного дискурса англосаксонскими «мозговыми центрами» и университетами [Marchesin, 2016: 66]. Ключевыми драйверами активизации экспертных дискуссий в соответствующем тематическом поле во Франции, по сути, выступили МИД и ФАР. В 2005 г. под эгидой агентства вышел рабочий доклад, посвященный обновленному подходу к оказанию помощи развитию «хрупким» социальным образованиям в целях предотвращения и урегули-

¹⁸ Трудности в контроле над государственной территорией, предоставлении гарантий безопасности гражданам, обеспечении верховенства права и эффективного государственного управления, поставках базовых социальных услуг населению, а также в поддержании региональной и международной стабильности.

рования кризисных ситуаций [Châtaigner, Gaulme, 2005]. Авторы доклада — коллеги по службе на набережной Орсе Ж.-М. Шатенье и Ф. Гольм — выражали признательность за вклад в его редактирование среди прочих Ж.-Б. Верону, который, кстати, не только занимал должность советника директора по стратегии ФАР, но и возглавлял там отдел по вопросам предотвращения кризисных ситуаций и урегулированию конфликтов.

В годы шеф-редакторства Ф. Гольма (2003–2005) и Ж.-Б. Верона (2005–2015) финансируемый ФАР журнал «Современная Африка» приобрел во Франции статус площадки для освещения повестки безопасности и развития Африканского континента. В частности, с интервалом в 2 года было издано два тематических номера журнала: «Мир, безопасность и развитие» («Paix, Sécurité et Développement») в 2004 г. и «Конфликты, безопасность и развитие» («Conflits, Sécurité et Développement») в 2006 г. В первый из выпусков были помещены работы глав министерств Норвегии и Франции, курировавших вопросы международного сотрудничества. Таким образом, были представлены взаимодополняющие комментарии: точка зрения Королевства Норвегия, далеко шагнувшего в теоретическом осмыслении вопросов «миростроительства» (*peace-building*), но не отправлявшего войска в Африку, и, напротив, позиция Парижа, имевшего соответствующий практический опыт работы «на местах», но лишь совсем недавно возобновившего дискуссии в этом тематическом поле [Gaulme, 2004]. Последние, впрочем, отличаясь прагматизмом, были результатом не теоретической рефлексии, а прямых консультаций с правительствами африканских стран [Gaulme, 2004]. Неудивительно, что в предварявшей номер 2006 г. редакционной статье Ж.-Б. Верон выражал стремление глубже познакомить читательскую аудиторию с французской мыслью, которая зачастую «терялась» за нагромождениями англосаксонской литературы [Véron, 2006a: 5].

Аналогичную цель преследовала и редакция журнала «Внешняя политика», посвятившая первый номер 2011 г. проблематике «хрупких государств» (*Les États fragiles*). В числе «лучших представителей французской экспертной среды, специализирующихся на данном вопросе» [Bauchard, 2011: 10] и подготовивших материалы для номера, фигурировали все те же имена — Ф. Гольм, Ж.-Б. Верон, С. Михайлоф и др. К тому времени проблема нестабильных государств (особенно на сахельском направлении) заставляла Париж обратить на себя все

более пристальное внимание [Antil, Touati, 2011], однако французские «мозговые центры» и профильные ведомства продолжали соблюдать определенную сдержанность при обращении к данному измерению теоретического дискурса, пребывавшего в состоянии «концептуальной какофонии» [Bauchard, 2011: 11]. По-видимому, консенсус в отношении концепта связки «безопасность — развитие», уже определявшего к тому времени международную стратегию целого ряда западных доноров, относился прежде всего к его функциональной утилитарности, а не смысловой составляющей [Leboeuf, 2006: 69–70].

Неопределенность содержания — не единственная точка уязвимости концепта. Проблема политической ангажированности — излюбленный довод критиков «связки» [Бартенев, 2015: 88–89] — как правило, обозначалась на примере американских программ помощи. «Движимая прагматизмом и вполне конкретным национальным интересом, она [американская политика международной помощи] ориентирована на обеспечение безопасности прежде всего самих Соединенных Штатов»¹⁹ [Véron, 2006b: 27]. Приведем в пример рассуждения Ж.-М. Шатенье, который небезосновательно заявлял о возможных рисках делегитимизации механизма ОПР в глазах международного сообщества по ряду причин. Во-первых, в условиях смены секторальных приоритетов международной помощи развитию в пользу расходов на укрепление системы безопасности в стране-реципиенте могло произойти размывание границы между инициативами миростроительства и традиционным межгосударственным военным сотрудничеством [Châtaigner, 2004: 47]. Во-вторых, не исключено, что в таком случае повестка содействия развитию могла оказаться подчинена императивам обеспечения обороноспособности или стабильности режимов с оспариваемой легитимностью [Châtaigner, 2004: 41]. Кроме того, направляя дополнительное финансирование правительствам, выступавшим к тому же сторонами внутренних или международных конфликтов, доноры несли риски разделения ответственности за возможную эскалацию напряженности [Châtaigner, 2004: 46]. Наконец, это позволяло провайдерам ОПР приближать официальные значения объемов финансовых усилий к целевому показателю в 0,7% ВВП за счет включения военных расходов [Châtaigner, 2004: 47].

¹⁹ В данном случае актуален риторический вопрос: «О чем развитии и о чьей безопасности идет речь?» [Юдин, 2016: 47].

Среди последовательных антагонистов «связки» можно встретить представителей критического подхода к политике «Франсафрик». Весьма исчерпывающее на тот период исследование, где непосредственно освещалась проблема секьюритизации французской повестки содействия развитию, было опубликовано в 2016 г. в книге под общей редакцией С. Брауна и Й. Грэвингхольта «Секьюритизация иностранной помощи». Авторство главы, посвященной кейсу Франции, принадлежало преподавателю Сорбонны Ф. Маршезану [Marchesin, 2016]. Не стесненный профессиональными ограничениями государственной службы, он без экивоков указывал на то, что институт помощи с самого начала служил инструментом внешней политики Франции. Данная функция (корреляция) нашла институциональное воплощение в реформе 1998 г., когда Министерство сотрудничества было интегрировано в систему МИД страны [Marchesin, 2016: 72]. Да и сам основатель Пятой республики генерал Ш. де Голль прямо заявлял: «Все слаборазвитые государства, которые еще вчера находились в зависимости от нас, а сегодня являются нашими лучшими друзьями, просят о помощи. Однако зачем оказывать эту помощь, если она того не стоит?» [Marchesin, 2016: 82]. Не исключение (а скорее даже яркая иллюстрация) — французская стратегия урегулирования в Сахеле (см. подробнее далее), которая, по словам эксперта в сфере девелопменталистики, нацелена на процветание французского бизнеса в Западной Африке. Впрочем, в рецензии на одну из работ Ф. Маршезана, посвященную французской политике помощи, видный специалист в области СМР, в прошлом — посол Франции в Кении, Гане и ДРК П. Жакмо подверг обширной критике тезисы коллеги о непрозрачности и эгоистической направленности французской ОПР [Jasquemot, 2023].

Эксперты с внушительным опытом работы на государственной службе Франции обращали внимание на проблему выстраивания эффективной координации действий между силовыми структурами и ведомствами, ответственными за сферу СМР, тем более если бы программы помощи оказались каким-то образом «вписаны» в рамки политики в сфере миростроительства или же подчинены ее логике. В то же время, исходя из международного опыта теоретического осмысления «связки», за таким нарочитым вниманием к данной проблеме может скрываться «зияющая пустота этого концепта», как и стремление снять ответственность за решения, принятые

в отсутствие продуманной политической стратегии [Юдин, 2016: 52–53]. Возможно, сахельский кейс, о котором речь пойдет далее, представлял собой именно тот самый случай.

Таким образом, концепт «связки» сначала воспринимался во французской экспертной среде как чужеродный конструкт англосаксонского происхождения, который скорее включает в себе множество рисков и ограничений, нежели отражает объективную взаимозависимость между проблемами безопасности и развития. И хотя определенные инициативы по включению данной повестки в международную политику Франции начали предприниматься с середины 2000-х годов, они происходили во многом под «давлением» внешней среды (практика других ведущих международных доноров и мониторинг со стороны ОЭСР²⁰ и др.). Те французские исследователи, которые не проигнорировали концепт «связки», вступали в дискуссии во многом с той целью, чтобы демонополизировать дискурс и избавить его от излишней шаблонности и претенциозности на универсальность.

Сахельская «ловушка конфликтности» и секьюритизация нарратива о «хрупких государствах»

В 2012 г. в разгар кризиса на территории Мали министр иностранных дел Франции Л. Фабиус провел аналогию между неурегулированной ситуацией в Афганистане и стремительными процессами, дестабилизировавшими обстановку в Сахеле, употребив понятие-неологизм «Сахелистан» [Malejacq, Sandor, 2020]. Той же логике следовал и проработавший не один год в качестве специалиста от ФАР и Всемирного банка в Афганистане, Мали, Нигере и Чаде С. Михайлоф, автор книги «Африканистан. Окажется ли африканский кризис в наших пригородах?» (2015). Данная работа по своей направленности служила чем-то вроде манифеста, призванного секьюритизировать (т.е. придать статус особой важности) Сахаро-Сахельское измерение в контексте французского дискурса по вопросам безопасности и развития. Впрочем, проблема «Сахелистана» уже к началу 2010-х годов уверенно вышла на первый план международной политики бывшей метрополии, с чем в немалой степени и было связано утверждение концепта «хрупкого государства» во Франции, давно задействованного в лексическом

²⁰ Организация экономического сотрудничества и развития. — *Прим. ред.*

обороте по другую сторону Атлантики [Gaulme, 2011a: 19]. Всё более отчетливо обозначалась перспектива эффекта «перелива» (*spillover effect*) из простиравшейся от Сахеля до Африканского Рога «дуги нестабильности» в Европу (в том числе на территорию Франции), прежде всего через набиравшие масштабы миграционные потоки с Черного континента [Michaïlof, 2011: 34].

Природу малийского кризиса нередко трактовали сквозь призму «связки» и находили объяснение росту насилия в первую очередь в нерешенных проблемах системного характера: бедности, неравенстве, неэффективном государственном управлении. «Немногие регионы демонстрируют настолько тесную взаимосвязь между проблемами безопасности и развития, как Сахель»²¹, — утверждала в интервью глава подразделения ФАР в Сахеле Ф. Шалье. Международное сообщество, обеспокоенное событиями в Мали²², не только предпринимало инициативы дипломатического²³ и военного урегулирования кризиса²⁴, но и мобилизовало финансовые усилия на цели развития государств Сахеля. В мае 2013 г. в Брюсселе при участии Парижа была создана международная конференция доноров в целях развития Мали (*Ensemble pour le Renouveau du Mali*). В итоговом коммюнике, подписанном главами Европейской комиссии, Франции и Мали, была обозначена формула «связки» как основополагающий принцип конференции²⁵. Для координации действий стран региона, объединенных в «Сахельскую пятерку» (G5 Sahel: Буркина-Фасо,

²¹ The Sahel: No security without development // AFD. 05.04.2022. Available at: <https://www.afd.fr/en/actualites/sahel-no-security-without-development> (accessed: 05.06.2025).

²² См., к примеру, статью А. Гутерриша, Верховного комиссара ООН по делам беженцев в 2005–2016 гг.: Guterres A. Why Mali matters? // The New York Times. 04.09.2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/09/05/opinion/why-mali-matters.html> (accessed: 05.06.2025).

²³ В 2015 г. в Алжире было подписано Соглашение о мире и примирении в Мали (при посредничестве ЕС, ООН, АС и др.).

²⁴ В начале 2013 г. Франция развернула на территории Мали операцию «Сервал» (с 2014 г. — операция «Бархан»), а в апреле того же года Резолюцией № 2100 СБ ООН была утверждена Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали. Кроме того, с 2013 г. осуществлялась военно-тренировочная миссия ЕС «EU Training Mission in Mali», а с 2020 г. под флагом объединения была создана военно-целевая группа «Takuba Task Force».

²⁵ International Donors Conference «Together for a New Mali» (Brussels, 15 May 2013): Joint chairs conclusions // The Diplomatic Service of the European Union. 07.05.2013. P. 2. Available at: https://eeas.europa.eu/archives/docs/statements/docs/conclusions_-_mali_-_15.05_en.pdf (accessed: 05.06.2025).

Мавритания, Мали, Нигер, Чад), и западных провайдеров безопасности и помощи (в первую очередь Франции — основного инициатора) в 2020 г. была сформирована Коалиция для Сахеля (*Coalition pour le Sahel*). Заложенный в ее основу комплексный подход предполагал четыре магистральных направления деятельности в этом регионе: борьба с терроризмом, укрепление военного потенциала стран «Сахельской пятерки», содействие возвращению государства и помощь развитию²⁶.

В стратегическом документе Пятой республики относительно выстраивания взаимодействия с «хрупкими государствами» на период 2018–2022 гг. был представлен всеобъемлющий подход, предполагавший сочетание инструментов в соответствии со стадией кризисного реагирования. Программы развития признавались наиболее релевантными в качестве превентивной меры и на этапе постконфликтного восстановления, т.е. на первом и последнем этапах, когда степень интенсивности конфликта находится на низком уровне. Если же «победить насильственный экстремизм без помощи оружия», как провозглашалось в документе, не удастся, то в условиях эскалации напряженности необходимо задействовать дипломатические, военные рычаги в сопровождении мер гуманитарного характера²⁷. Принятый при президенте Э. Макроне подход «3D» применительно к странам Сахеля был разработан совместными усилиями оборонного, внешнеполитического ведомств и ФАР. Компонент «безопасность» предполагал противодействие террористической угрозе в регионе; дипломатия — мобилизацию акторов для поиска стратегии урегулирования конфликта; развитие — обеспечение устойчивого доступа населения к широкому спектру прав и возможностей²⁸.

В практической плоскости новый стратегический подход Парижа выражался не только в количественных параметрах (увеличении

²⁶ *La Coalition pour le Sahel, un nouveau cadre pour l'action internationale* // Alliance Sahel. 18.12.2020. Available at: <https://www.alliance-sahel.org/presse/coalition-pour-le-sahel/> (accessed: 05.06.2025).

²⁷ *Prévention, résilience et paix durable (2018–2022): Approche globale de réponse à la fragilisation des Etats et des sociétés* // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2018. P. 24. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/meae_strategie_etatsfragiles_bd_web_cle091a27.pdf (accessed: 05.06.2025).

²⁸ *La France au Sahel, l'approche 3D* // AFD. February 2020. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/la-france-au-sahel-lapproche-3d> (accessed: 05.06.2025).

французских ассигнований на цели развития стран Сахеля²⁹), но и в качественном отношении. В частности, в изменении структуры, секторальных и тематических приоритетов помощи, что небезосновательно трактуется Ф. Маршезаном как проявление секьюритизации французской ОПР [Marchesin, 2016]. Например, эксперт ссылается на информацию, полученную в ходе приватного разговора с бывшим министром, отвечавшим за французскую политику международной солидарности, о том, что расходы в рамках проведения военной кампании Франции в Сахеле (в частности, зарплатное обеспечение военных) частично финансировались за счет ассигнований по ОПР [Marchesin, 2016: 72]. Другой важной расходной статьей ОПР, по официальным данным, был сектор государственного управления, фигурировавший в докладах ФАР о деятельности в Сахеле с 2020 г. Так, в тот год 60% помощи развитию Республики Мали, направленных агентством, предназначались сектору государственного менеджмента³⁰. Список проявлений тенденции секьюритизации во французской политике помощи развитию мог бы быть продолжен, но это, пожалуй, составляет предмет отдельного исследования.

Метаморфозы в политике Франции в Сахеле сопровождались оживлением экспертных дискуссий вокруг проблем безопасности и развития в регионе. В обобщенном виде они сводились к поиску ответов на два магистральных вопроса: «кто виноват?» и «что делать?».

«Кто виноват?» Первый вопрос относился к природе охватившего страны региона кризиса и, разумеется, не предполагал однозначного ответа. Специальный посланник Франции и ЕС в Сахеле Ж.-М. Шатенье считал релевантным введенный П. Коллиером концепт «ловушки конфликтности» (*conflict trap*) [Châtaigner, 2019a: 78]. Согласно концепции, оказавшись однажды в состоянии гражданской войны, государство рискует пребывать в нем десятилетиями, так как внутренний конфликт порождает дополнительные стимулы для его дальнейшего развития в виде ослабленной социально-экономической системы и утверждения «культуры насилия» [Collier et al., 2003]. Кроме того, французский эксперт придавал большое

²⁹ Так, из 2,1 млрд евро, предоставленных ФАР странам Сахеля за период 2013–2018 гг., 799 млн евро (38%) пришлось на 2017–2018 гг. Sahel — Bilan d'activité // AFD. 2018. P. 4. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/sahel-bilan-dactivite-2018> (accessed: 05.06.2025).

³⁰ Sahel — Bilan d'activité // AFD. 2020. P. 3. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/sahel-bilan-dactivite-2020> (accessed: 05.06.2025).

значение детерминантам в демографической и экологической сферах. Упадок сельскохозяйственного сектора на фоне последствий климатических изменений вынуждает быстрорастущее молодое население³¹ получать доход из нелегальных источников (контрабанда оружия, наркоторговля и др.), а также обостряет традиционные для Сахаро-Сахельского региона противоречия между земледельцами и скотоводами. Как отмечает Ж.-М. Шатенье, основные мотивы попадающих в сети джихадизма новобранцев отнюдь не принадлежат к сфере идеологического нематериального — чувство социальной несправедливости и побуждения экономического характера в значительной степени определяют выбор ими такого пути [Châtaigner, 2019a: 82].

Впрочем, ведущий специалист по вопросам безопасности в Субсахарской Африке А. Антил не разделял стремлений коллег навешивать ярлык «бедность — насилие» применительно ко всему Сахелю. Он приводил в пример Буркина-Фасо, одну из беднейших стран в мире, которая, тем не менее, в течение 55 лет со времен обретения независимости не становилась ареной вооруженного насилия на своей территории³². Природа насилия куда более сложная и, по его мнению, связана в первую очередь с ненадлежащим государственным управлением [Antil, 2020]. В условиях «отсутствующего Левиафана» [см. подробнее: Аджемоглу, Робинсон, 2021] и дефицита ресурсов террористические движения на пространстве Сахеля инструментализируют проблему доступа к социальным благам и апеллируют к дисфункции государственных институтов [Antil, 2020]. При этом каждая страна двигалась по собственной траектории государственного развития. Так, Республика Мали, по мнению ряда экспертов, ошибочно ориентировалась на импортирование внешних моделей государственного администрирования [Châtaigner, Chevalier, 2019]. Как отмечает Ф. Гольм, составленные специальными

³¹ С 2001 г. ежегодный прирост численности населения Мали составлял 3% и выше. Нигер достиг таких демографических показателей еще в 1980 г. Population growth (annual %) — Niger, Mali, Burkina Faso // The World Bank Group. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=NE-ML-BF> (accessed: 05.06.2025).

³² Всё-таки значение имели и социокультурные факторы. В отличие от Буркина-Фасо с 60% мусульман в составе населения, в соседних Мали, Нигере, Мавритании подавляющее большинство жителей (более 90%) исповедуют ислам, т.е. в этих странах априори более широкая социальная база для распространения ислама радикального толка [Guillaumont Jeanneney et al., 2016].

юристами конституции Мали были не более чем «жалкой копией» моделей, привнесенных из-за рубежа [Gaulme, 2013]. Власти независимого Нигера, напротив, избрали политический курс, сочетавший традиции и современность и позволивший взрастить чувство принадлежности к унитарному государству [Châtaigner, Chevalier, 2019]. Примечательно, однако, то, что на протяжении двух десятилетий именно Республика Мали представлялась в качестве модели демократического и стабильного африканского государства. В отличие от соседних стран региона (в том числе Нигера), она не фигурировала в списке «хрупких государств» Всемирного банка. Как объясняют исследователи, многопартийный демократический режим в Мали обосновал свою легитимность через проведение серии международно признанных избирательных процессов, а также благодаря динамичному развитию гражданского общества, что привлекло значительные суммы внешнего финансирования, особенно со стороны бывшей метрополии [Antil, Touati, 2011]. Однако за «витриной» благополучия скрывались всё те же африканские проблемы: высокий уровень коррупции, наркотрафик вкупе с нерешенным туарегским вопросом, что в конечном счете привело страну к расколотому состоянию [Gaulme, 2013].

Разумеется, комплекс внутренних застарелых проблем был не единственным источником кризисных явлений в зоне Сахеля. Третья группа факторов, которые в меньшей степени, но всё же упоминались во французской аналитике, имели внешнее происхождение. В первую очередь — последствия ливийского кризиса, значение которых французские исследователи не отрицали, хотя и, как правило, обходили стороной причастность Пятой республики к свержению лидера Ливийской Арабской Джамахирии М. Каддафи. В годы его правления границы государства стали открытыми для проживавших в соседних Мали, Нигере туарегов, многие из которых вступили в ряды Ливийской национальной армии. Начало внутреннего конфликта в Ливии привело к оттоку туарегов, оснащенных современным французским оружием, обратно на историческую родину и впоследствии к созданию на территории Мали «Национального движения за освобождение Азавада» (НДОА) [Châtaigner, 2019a]. Наложили негативный отпечаток на динамику социально-экономического развития стран Сахеля и последствия проводимой в конце 1980-х — 1990-х годах политики «структурной

адаптации» (*structural adjustment*) (например, в ключевом для этих стран сельскохозяйственном секторе³³).

Расхождения во мнениях о первопричинах сахельского кризиса, очевидно, ограничивали возможность экспертного сообщества приблизиться к отчетливому ответу на вопрос «*что делать?*». Достаточно взглянуть на некоторые рецензии Ж.-Б. Верона [Véron, 2015, 2022], критиковавшего работы коллег за отсутствие каких-либо практических выводов и рекомендаций для французской внешне-политической стратегии.

Первое направление рефлексии было обращено к поиску оптимальной конфигурации компонентов безопасности и развития в политике кризисного урегулирования в регионе. Отдельному исследованию этого вопроса была посвящена аналитическая записка эксперта IRIS С. Михайлофа, в которой он заявлял о «тупиковости» последовательного подхода: сначала — безопасность, потом — развитие. Если вспомнить, именно в соответствии с этим принципом была построена стратегия Франции в отношении «хрупких государств» (вовлечение программ развития уже на стадии постконфликтного восстановления или же в качестве превентивной меры). Миротворцы ООН, осуществляющие миссию в Мали, как отмечал эксперт, с трудом обеспечивают собственную безопасность, тем более когда обстановка в стране остается крайне напряженной в связи с отсутствием соглашения со всеми конфликтующими сторонами. К тому же иностранное военное присутствие может восприниматься как оккупация. Для того чтобы не допустить «афганизации» проблемы урегулирования в Сахеле, эксперт ФАР предлагал европейским донорам взять на себя часть расходов в секторе безопасности африканских партнеров (не только на обучение, но и на зарплатное и логистическое обеспечение, обмундирование, техническое оснащение и др.). Экипировка, обучение и финансирование одного сахельского батальона обошлись бы, по его подсчетам, примерно в 15 млн долл.

³³ По мнению большинства французских экспертов, сельскохозяйственный сектор стран Сахеля находился в кризисном состоянии еще со времен (в том числе и по причине) реализации программ Структурной адаптации. Об этом в 2016 г. сообщалось в докладе Сената Франции, посвященном переосмыслению программ помощи развитию региона. То же самое наблюдалось и в образовательной сфере. Rapport d'information № 728 (2015–2016) «Sahel: repenser l'aide publique au développement» // Sénat. 29.06.2016. Available at: <https://www.senat.fr/rap/r15-728/r15-728.html> (accessed: 05.06.2025).

в год, в то время как ежегодные расходы на операцию «Бархан» превышали 650 млн евро [Michaïlof, 2017].

Широкое исследовательское внимание получила назревшая проблема содействия «возвращению государства» (*retour de l'Etat*). Однако уже само смысловое наполнение этого понятия было предметом дискуссий. Каким должно быть это государство? Как освободиться от неолиберальной ортодоксальности и адаптировать международно признанную веберианскую нормативную модель к местной специфике (например, к сосуществованию официальных и традиционных институтов власти)? [Gaulme, 2011b]. В докладе FERDI прозвучало важное обращение к международным донорам о том, что внешняя атрибутика демократии (в частности, электоральный процесс), на котором зачастую акцентируют внимание, совсем не означает развития реально функционирующих институтов управления в стране [Guillaumont Jeanneney et al., 2016].

Основой для эффективного государственного управления нередко виделась политика децентрализации [Châtaigner, 2019a; Châtaigner, Chevalier, 2019]. Этот процесс в странах Сахеля был запущен еще в конце прошлого века (в 1990-е годы — в Мали), а установка на его продолжение была зафиксирована в основополагающем пункте Алжирского соглашения от 2015 г. (это относилось в первую очередь к охваченным сепаратизмом северным территориям Мали, которым был предоставлен специальный статус). Однако полноценной децентрализации, как и имплементации пунктов соглашения, заключенного в Алжире, так и не произошло [Guillaumont Jeanneney et al., 2016; Gaulme, 2018]. В Республике Мали такая административная реорганизация представлялась угрозой сильному государству и в некотором смысле — даже территориальной целостности страны [Maïga, 2020], поэтому новые власти объявили о выходе из Алжирского соглашения в начале 2024 г.

Отсутствие твердой государственной руки в странах Сахеля проявлялось, по мнению экспертов, и в недостатках судебно-правовой системы, фактическая сила которой ослабевала по мере отдаления от города к сельской местности, где действовали нормы традиционного права [Antil, 2019]. Ж.-М. Шатенье предложил расширенную версию подхода «3D» за счет четвертого (правового) компонента (*Diplomatie, Défense, Développement, Droit* — дипломатия, безопасность, развитие, право). Правовое измерение, в понимании бывшего Посланника Франции в Сахеле, должно формировать юридические рамки для

имплементации инициатив на других треках. На законодательном уровне необходимо гарантировать доступ к основным социально-экономическим благам (т.е. право на развитие), как и право на безопасность, в том числе от национальных вооруженных сил, которые также должны подчиняться букве закона [Châtaigner, 2019a].

При всем несовершенстве французской экспертизы применительно к поиску механизмов кризисного урегулирования в Сахеле нельзя не заметить произошедшие на этом фоне очевидные метаморфозы в отношении французских интеллектуалов к концепту «связки», их переход из положения критического наблюдателя к проактивной позиции. Официальные и исследовательские круги Франции выступили в качестве драйвера концептуально-аналитического осмысления этого подхода и его имплементации на сахельском направлении внешней политики страны.

Об итогах французского присутствия в Сахеле: взгляд экспертного сообщества

М.-А. Перуз де Монкло утверждал, что французские операции в Мали изначально были обречены на провал. Еще в 2020 г. (т.е. до череды военных переворотов в странах Альянса государств Сахеля) он заявил о «проигранной войне»³⁴, оправданием для начала которой, по его мнению, стал искусственно сформированный нарратив о «Сахелистане» как еще об одном географическом измерении мирового джихада [Сидоров, 2019]. Западным политикам было куда проще объявить войну международному терроризму, чем содействовать решению проблем глубинного характера в странах региона, связанных в первую очередь с дисфункцией официальных властей и неэффективностью постколониальной модели государственного управления [Сидоров, 2019]. Такой ракурс освещения происходящего в Сахеле позволял французским военным опираться на недемократические режимы африканских стран, а последним — оправдывать внутренние репрессии и притязания на внешнюю (в частности, военную) помощь [Сидоров, 2019; Véron, 2022]. В конечном счете, заключал М.-А. Перуз де Монкло, французское вмешательство не только не способствовало восстановлению безопасности, но и всколыхнуло антифранцузские настроения [Véron, 2022]. Заметим, что

³⁴ В одноименной книге «Проигранная война: Франция в Сахеле» («Une guerre perdue, la France au Sahel»).

этот эксперт известен своими критическими замечаниями в отношении африканского вектора внешней политики Франции [Дегтерев, Абрамова, 2024: 80–81]. Однако в его рекомендациях вывести задействованные в контртеррористических операциях французские вооруженные силы Ж.-Б. Верон видит недалекость коллеги относительно возможных последствий такого решения [Véron, 2022].

Впрочем, и эксперты, не относящиеся к разряду критиков «Франсафрик», были не менее пессимистичными в своих прогнозах. По мнению С. Михайлофа, Франция оказалась в заведомо проигрышном положении в войне с джихадизмом в Сахеле. Военный контингент операции «Бархан» в составе 4500 человек едва ли был способен восстановить безопасность на всей территории, площадь которой в несколько раз превышает французскую [Michaïlof, 2017]. Собственно, на всё те же объективные географические вводные, как и на другие факторы эндогенного характера (неэффективность малийской армии, коррумпированность, некомпетентность и отсутствие политической воли в рядах правящей там элиты и др.), как правило, и ссылались французские эксперты в попытках обосновать отсутствие прогресса в процессе урегулирования в Мали [см., например: Michaïlof, 2018]. «Французская армия не может одновременно отслеживать джихадистов и выполнять полицейские и административные задачи в стране, которая вдвое больше Франции. Более того, при осуществлении такой попытки ее справедливо обвинили бы в неокOLONIALИЗМЕ», — объяснял эксперт в работе с символическим названием «Мали: война без конца?» [Michaïlof, 2018: 55]. Собственно, мандат операции «Бархан» заключался не в обеспечении безопасности на всей территории страны, а в том, чтобы «перевести масштабы террористической угрозы в зону контроля/достижимости местных властей»³⁵.

Главный тезис, разделяемый большей частью экспертного сообщества, касался необходимости поиска стратегии своевременного выхода из затянувшейся французской военной кампании в Сахеле, дорого обходившейся французскому бюджету, — независимо от того, насколько изначально оправданным виделось им это вмешательство [см.: Antil, 2020; Michaïlof, 2023]. Если при Ф. Олланде Париж был

³⁵ Rapport d'information № 1841 (16e législature) // Assemblée Nationale. 08.11.2023. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/l16b1841_rapport-information# (accessed: 05.06.2025).

решительно настроен на быструю победу в войне с джихадистами, то по мере приближения к началу срока Э. Макрона эта перспектива становилась всё более отдаленной, если не маловероятной. Данное обстоятельство подвигло президента заявить в 2019 г., что Франция останется вместе с Мали столько, сколько необходимо [Сидоров, 2019]. Как известно, вывод военного контингента всё-таки состоялся, однако под давлением неблагоприятных для бывшей метрополии обстоятельств — распространения антифранцузских настроений в странах Сахеля и распада сети французских союзов в регионе, ознаменовав «бесславное завершение» операции «Бархан» [Филиппов, 2022a]. «Мы должны признать, что начало операции “Бархан” в 2014 г. было сопряжено с необоснованными целями и отсутствием стратегии выхода. Разве мы не должны были вывести большую часть наших сил в 2013 г., после первых выборов президента И.Б. Кейта, чтобы возложить на него ответственность за восстановление малийского государства и армии? Или когда тот, к гневу МВФ, решил приобрести президентский самолет за счет военного бюджета <...>? Но самое главное, поддерживая почти 10 лет присутствие наших вооруженных сил в бывшей колонии, разве мы не должны были ожидать феномена отторжения?» [Michaïlof, 2023: 33].

Проблема французской политики в Сахеле заключалась не только в несвоевременном завершении военной кампании, но и в очевидном преобладании этого компонента над повесткой содействия развитию. В исследовании FERDI 2016 г. были обозначены риски того, что Франция будет играть роль «сахельского жандарма», а бремя взаимодействия с гражданскими структурами и реализации программ социально-экономического значения в полной мере ляжет на плечи других международных доноров [Guillaumont Jeanneney et al., 2016]. В табл. 2 продемонстрирован парадокс французской политики в Сахеле: в то время как международное сообщество направляло большую часть средств на поддержку программ развития, Париж был вынужден в первую очередь финансировать расходы в рамках военной кампании и по остаточному принципу ассигновать достаточно ограниченные суммы в рамках двусторонней помощи. Тем острее ощущалось затягивание операции «Бархан».

В июле 2024 г. IFRI при поддержке ФАР выпустил аналитический доклад «Надежды и пределы стабилизации в Сахеле» [Gaulme, Antil, 2024]. Соавтором небезызвестного Ф. Гольма выступил директор

Таблица 2

**Сравнение объемов международных усилий в направлении Сахеля
в форме военных расходов и помощи развитию в 2014 г. (млн долл. США)**

Провайдеры помощи	Военные расходы	Помощь (доведенные средства)
Международное сообщество	1500	4006
Франция (двусторонняя помощь)	653	241
Международное сообщество(исключая двустороннюю помощь Франции)	847	3765

Источник: Guillaumont Jeanneney et al., 2016.

Центра Субсахарской Африки IFRI А. Антиль, специализирующийся на вопросах безопасности в данном регионе. Осмысляя опыт западных доноров в применении так называемого интегрированного территориального подхода (ИТП) (*l'approche territoriale intégrée*) в отношении стран «Сахельской пятерки», эксперты приходят к выводу о запоздалости данной инициативы. Утвержденный в 2020 г. ИТП вписывался в задаваемые рамки подхода 3D, что фактически засвидетельствовало триумф связки «безопасность — развитие» во французской стратегии в Сахеле. В противоположность секторальному подходу при оказании международной помощи ИТП предполагал координацию действий на треках содействия развитию и конфликтного урегулирования в пределах 10 зон Сахельского региона. Однако на практике это оказалось труднореализуемой инициативой. Ф. Гольм в подробностях освещает те вызовы, с которыми пришлось столкнуться на этом пути его коллегам из ФАР, в первую очередь при выстраивании коммуникации с представителями военных ведомств — как в центре принятия решений, так и на местах [Gaulme, Antil, 2024]. Особенно тяжелая ситуация сложилась в зоне Липтако-Гурма («трехграницье» — Мали, Нигер, Буркина-Фасо), в эпицентре региональных кризисных тенденций, в условиях которых не был готов работать ни один оператор помощи. Комментируя эффективность интегрированного подхода, российский эксперт А. Чихачёв обратил внимание на закономерный итог — распыление сил относительно немногочисленного вооруженного контингента, задействованного одновременно в нескольких задачах, на огромной

по площади территории, что не позволяло осуществлять крупные маневры [Чихачёв, 2022].

* * *

Интеграция концепта «связки» во французский дискурс проходила тернистым путем: от практически полного игнорирования и неприятия очередного англосаксонского аналитического паттерна до его закономерной адаптации к суровым реалиям сахельского урегулирования — центральной проблемы в повестке африканской политики Пятой республики с начала 2010-х годов. Разумеется, переход от критики теоретического конструкта на принципах «do no harm» («не причинить вреда»)³⁶ к выработке конкретных рекомендаций по его практическому применению оказался весьма сложным и неоднозначным процессом. Разноголосица обозначилась еще на этапе «постановки диагноза». Кризис государственного управления? Связка «бедность — насилие»? Возможно, вмешательство внешних обстоятельств (в частности, последствия внутреннего конфликта в соседней Ливии)? Было очевидно для всех, что насильственное восстановление государственного присутствия на территории стран Сахеля не станет долгосрочным решением, тем более что осуществлявший весьма затратные антитеррористические операции французский контингент не мог оставаться там вечно, как и обеспечивать безопасность в регионе, в несколько раз превышающем по площади Францию. В этой связи внимание экспертного сообщества было в немалой степени сфокусировано на том, каким образом обеспечить устойчивость государственных образований на территории Сахеля и посредством укрепления регулирующей роли государства добиться прогресса на треках безопасности и развития.

Однако по мере того как операция «Бархан» приобретала затяжной характер, французские исследования стали пестреть алармистскими заголовками с вариациями употребления слова «бесконечность» («бесконечная война», «бесконечное насилие» и др.). Критически настроенные к политике «Франсаффрик» исследователи, пожалуй, среди первых обозначили сценарий провала французской

³⁶ Под таким названием получил известность проект американской исследовательницы М. Андерсон конца 1990-х годов. Благодаря ему понятие «конфликточувствительность» (*conflict-sensitivity*), подразумевающее тщательную оценку рисков причинения вреда при реализации программ помощи, стало новой «мантрой» в сфере содействия развитию [Бартенев, 2023: 148–149].

политики в Сахеле, хотя их пессимизм в немалой степени разделяли и коллеги из МИД и ФАР. Между тем складывается впечатление, что некоторые исследования были изданы скорее для того, чтобы в какой-то мере оправдать неудачи французской стратегии (трудностью координации усилий между военными и специалистами в сфере деверопменталистики, уязвимостью политических режимов в странах Сахеля и др.). Это неудивительно с учетом того, что французский дискурс по «связке» развивался в достаточно тесных кругах экспертов-практиков из французских ведомств и ученых из «мозговых центров», которые при всем желании едва ли способны абстрагироваться от воздействия государственно-центричной научно-исследовательской среды. Располагая значительными административными ресурсами, Елисейский дворец вполне мог определять фарватер национальных экспертных дискуссий или по крайней мере вносить в него корректировки, как, например, показал опыт журнала «Современная Африка». Проблема затрудненной обратной связи между государством и интеллектуальной средой ускорила наступление кризиса политики «Франсафрик», в том числе ее идейной составляющей [Африканский вектор внешней политики Франции..., 2024: 18–21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021.
2. Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик» / Отв. ред. С.М. Фёдоров. М.: Институт Европы РАН; Весь мир, 2024.
3. Бартенев В.И. Связка «безопасность — развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к контекстуализации // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.42.5.
4. Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. Т. 6. № 3. С. 37–50.
5. Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163.
6. Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного

мира // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2 (67). С. 60–81. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81.

7. Дегтерев Д.А. От «созерцательного регионоведения» к прикладным кросс-региональным исследованиям // Регионы в политике, политика в регионах. Политическая наука: Ежегодник-2023 / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, Л.А. Фадеева, Р.В. Евстифеев. М.; Пермь: Титул; ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2023. С. 103–121.

8. Дегтерев Д.А., Абрамова Е.А. «Архитекторы Франсафрик»? Экспертно-аналитическое обеспечение современной политики Франции в Африке // Современная Европа. 2024. № 5. С. 74–87. DOI: 10.31857/S0201708324050061.

9. Кравцов А.А., Черноуцан Е.М. Национальный центр научных исследований как основа развития фундаментальной науки Франции: специфика и современные проблемы // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020. № 4. С. 98–115. DOI: 10.33983/2075-1826-2020-4-98-115.

10. Сидоров А.С. Африканский джихад со старыми корнями? // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 3. С. 120–123. DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.8.

11. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 1. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8.

12. Филиппов В.Р. Системный кризис «Франсафрик» // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 144–156. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156.

13. Филиппов В.Р. Феномен «Франсафрик» в зеркале французской историографии // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 3. С. 73–87. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-73-87.

14. Чихачев А.Ю. После Сахеля: закат французского интервенционизма? // РСМД. 09.12.2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-sakhelya-zakat-frantsuzskogo-interventsionizma/> (дата обращения: 05.06.2025).

15. Юдин Н.В. Связка «безопасность — развитие»: проблемы теоретического осмысления // Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8. № 1. С. 39–71.

16. Antil A. Sahel: soubassements d'un désastre // Politique étrangère. 2019. Vol. 84. No. 3. P. 89–98. DOI: 10.3917/pe.193.0089.

17. Antil A. Violence sans fin au Sahel // Études. 2020. Vol. 9. P. 19–30. DOI: 10.3917/etu.4274.0019.

18. Antil A., Touati S. Mali et Mauritanie: pays sahéliens fragiles et États résilients // Politique étrangère. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 59–69. DOI: 10.3917/pe.111.0059.

19. Bauchard D. Introduction // Politique étrangère. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 10–15.

20. Buzan B. Rethinking security after the Cold War // *Cooperation and Conflict*. 1997. Vol. 32. No. 1. P. 5–28. DOI: 10.1177/0010836797032001001.

21. Châtaigner J.-M. Aide publique au développement et réformes des systèmes de sécurité: l'improbable rencontre du Dr Jekyll et de Mr Hyde // *Afrique contemporaine*. 2004. Vol. 1. No. 209. P. 39–49. DOI: 10.3917/afco.209.0039.

22. Châtaigner J.-M. La réforme du secteur de sécurité dans les États et sociétés fragiles: Préalable indispensable au développement, ou dernière des illusions néocoloniales? // *Afrique contemporaine*. 2006. Vol. 2. No. 218. P. 101–117. DOI: 10.3917/afco.218.0101.

23. Châtaigner J.-M. La stabilisation du Sahel, nouveau rocher de Sisyphe? // *Politique étrangère*. 2019. Vol. 84. No. 3. P. 75–88. DOI: 10.3917/pe.193.0077.

24. Châtaigner J.-M. Sahel et France, enjeux d'une relation particulière // *Hérodote*. 2019. Vol. 1. No. 172. P. 123–136. DOI: 10.3917/her.172.0123.

25. Châtaigner J.-M., Chevalier C. Enjeux de paix et de développement: comment sortir le Sahel de la trappe à pauvreté? // *Annales des Mines — Réalités industrielles*. 2019. Vol. 3. P. 29–37. DOI: 10.3917/rindu1.193.0029.

26. Châtaigner J.-M., Gaulme F. Agir en faveur des acteurs et des sociétés fragiles. Pour une vision renouvelée des enjeux de l'aide au développement dans la prévention et la gestion de crises: Document de travail n°4. Paris: AFD, 2005. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/agir-en-faveur-des-acteurs-et-des-societes-fragiles> (accessed: 05.06.2025).

27. Collier P. et al. Breaking the conflict trap: Civil war and development policy. Washington, D.C.: World Bank, 2003.

28. Gaulme F. Conflits d'Afrique subsaharienne: l'éternel retour? // *Politique étrangère*. 2018. Vol. 83. No. 3. P. 39–50. DOI: 10.3917/pe.183.0039.

29. Gaulme F. Consolider les États fragiles // *Études*. 2010. Vol. 412. No. 6. P. 729–740. DOI: 10.3917/etu.4126.0729.

30. Gaulme F. Éditorial // *Afrique contemporaine*. 2004. Vol. 1. No. 209. P. 5–6. DOI: 10.3917/afco.209.0005.

31. Gaulme F. «États faillis», «États fragiles»: concepts jumelés d'une nouvelle réflexion mondiale // *Politique étrangère*. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 17–29. DOI: 10.3917/pe.111.0017.

32. Gaulme F. Intervenir au Mali: le retour du politique // *Études*. 2013. Vol. 5. No. 418. P. 583–594. DOI: 10.3917/etu.4185.0583.

33. Gaulme F. L'architecte et les États fragiles. L'aide au développement dans la sécurité mondiale // *L'Institut français des relations internationales (IFRI)*. December 2011. Available at: <https://www.ifri.org/fr/publications/etudes-delifri/larchitecte-etats-fragiles-laide-developpement-securite-mondiale> (accessed: 05.06.2025).

34. Gaulme F., Antil A. L'approche territoriale intégrée (ATI): Espoirs et limites d'une stabilisation locale au Sahel // *Etudes de l'IFRI*. July 2024. Available

at: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/ifri_gaulme_antil_ati_sahel_2024.pdf (accessed: 05.06.2025).

35. Guillaumont Jeanneney S. et al. *Allier sécurité et développement Plaidoyer pour le Sahel*. Vol. 1. Clermont-Ferrand: Fondation pour les études et recherches sur le développement international (Ferdi), 2016. Available at: <https://ferdi.fr/dl/df-VtMSyiido9x2EmdEdRAr9fBf/allier-securite-et-developpement-volume-1.pdf> (accessed: 05.06.2025).

36. Jacquemot P. Comment la Caisse française de développement devint l'Agence? // *Afrique contemporaine*. 2010. Vol. 4. No. 236. P. 128–129. DOI: 10.3917/afco.236.0128.

37. Jacquemot P. La politique française de coopération. «Je t'aide, moi non plus». *Afrique contemporaine*. 2023. No. 276. P. 263–279. DOI: 10.3917/afco1.276.0263.

38. Leboeuf A. Sécurité et développement: acteurs et consensus // *Afrique contemporaine*. 2006. Vol. 2. No. 218. P. 69–83. DOI: 10.3917/afco.218.83.

39. *L'empire qui ne veut pas mourir: Une histoire de la Françafrique* / Ed. by T. Borrel, A. Boukari Yabara, B. Collombat, T. Deltombe. Paris: Seuil, 2021.

40. Maïga Ch.K. *La faillite de l'Etat Malien: Les origines, les responsabilités, les pistes des solutions*. Bamako, 2020.

41. Malejacq R., Sandor A. Sahelistan? Military intervention and patronage politics in Afghanistan and Mali // *Civil War*. 2020. Vol. 22. No. 4. P. 543–566. DOI: 10.1080/13698249.2020.1813405.

42. Marchesin P. The securitization of aid: The case of France // *The securitization of foreign aid* / Ed. by S. Brown, J. Grävingholt. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 64–84.

43. Meimon J. Que reste-t-il de la Coopération française? // *Politique africaine*. 2007. Vol. 1. No. 105. P. 27–50. DOI: 10.3917/polaf.105.0027.

44. Michailof S. Comment sortir de l'ornière les pays «faillis»? // *Politique étrangère*. 2011. Vol. 76. No. 1. P. 31–43. DOI: 10.3917/pe.111.0031.

45. Michailof S. Mali, une guerre sans fin? // *Revue Défense Nationale*. 2018. Vol. 2. No. 807. P. 51–55. DOI: 10.3917/rdna.807.0051.

46. Michailof S. Plaidoyer pour une nouvelle politique africaine // *Revue Défense nationale*. 2023. Vol. 5. No. 860. P. 33–39. DOI: 10.3917/rdna.860.0033.

47. Michailof S. Sahel: face à l'insécurité, l'aide publique au développement ne peut se contenter de slogans // *l'IRIS*. December 2017. Available at: <https://www.iris-france.org/> (accessed: 05.06.2025).

48. Véron J.-B. Éditorial // *Afrique contemporaine*. 2006. Vol. 2. No. 218. P. 5–7. DOI: 10.3917/afco.218.05.

49. Véron J.-B. Introduction thématique. Conflit, sécurité et développement: un nouveau paradigme, mais pour quels usages? // *Afrique contemporaine*. 2006. Vol. 2. No. 218. P. 19–32. DOI: 10.3917/afco.218.32.

50. Véron J.-B. La délicate mais indispensable implication de l'aide dans les conflits // *Afrique contemporaine*. 2004. Vol. 1. No. 209. P. 51–64. DOI: 10.3917/afco.209.0051.

51. Véron J.-B. Serge Michailof. Africanistan. L'Afrique en crise va-t-elle se retrouver dans nos banlieues ? // *Afrique contemporaine*. 2015. Vol. 4. No 256. P. 164–166. DOI: 10.3917/afco.256.0164.

52. Véron J.-B. Une guerre perdue, la France au Sahel // *Afrique contemporaine*. 2022. Vol. 1. No. 273. P. 178–181. DOI: 10.3917/pe.111.0059.

REFERENCES

1. Acemoglu D., Robinson J.A. 2019. *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*. New York, Penguin [Russ. ed.: Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. 2021. *Uzkii koridor*. Moscow, AST Publ.].

2. Fedorov S.M. (ed.). 2024. *Afrikanskii vektor vneshnei politiki Frantsii: trudnoe rasstavanie s 'Fransafrik'* [African vector of French foreign policy: Difficult breakup with Françafrique]. Moscow, Institut Evropy RAN, Ves' mir Publ. (In Russ.)

3. Bartenev V.I. 2015. Svyazka 'bezopasnost' — razvitie' v sovremennykh zapadnykh issledovaniyakh: ot dekonstruktsii k kontekstualizatsii ['Security — development nexus' in Western bibliography: From deconstruction to contextualization]. *International Trends*, vol. 13, no. 3, pp. 78–97. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.42.5. (In Russ.)

4. Bartenev V.I. 2011. *Cek'yuritizatsiya sfery sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: analiz politicheskogo diskursa* [Securitization of international development aid: Political discourse analysis]. *International Organisations Research Journal*, vol. 6, no. 3, pp. 37–50. (In Russ.)

5. Bartenev V.I. 2023. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu i politicheskie riski dlya vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti: logika sopryazheniya tem [International development cooperation and political risks for transnational business: Linking research topics]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163. (In Russ.)

6. Degterev D.A. 2024. 'Kollektivnaya opora na sobstvennye sily': novoe prochtenie kontseptsii v Sakhele v kontekste stanovleniya mnogopolyarnogo mira [Collective self-reliance: Restarting the concept in the Sahel in the context of a multipolarizing world order]. *Journal of the Institute for African Studies*, no. 2 (67), pp. 60–81. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-60-81. (In Russ.)

7. Degterev D.A. 2023. Ot 'sozertsatel'nogo regionovedeniya' k prikladnym kross-regional'nym issledovaniyam [From 'contemplative regional studies' to applied cross-regional studies]. In: Gaman-Golutvina O.V., Fadeeva L.A., Evstifeev R.V. (eds.). *Regiony v politike, politika v regionakh. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik-2023* [Regions in politics, politics in the regions. Political science: Yearbook-2023]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

Yearbook-2023]. Moscow, Perm', Titul, FGBOU VO 'PGNIU' Publ., pp. 103–121. (In Russ.)

8. Degterev D.A., Abramova E.A. 2024. 'Arkhitektory Fransafrik'? Ekspertno-analiticheskoe obespechenie sovremennoi politiki Frantsii v Afrike ['France-Afrique architects'? Expert and analytical support of current French politics in Africa]. *Contemporary Europe*, no. 5, pp. 74–87. DOI: 10.31857/S0201708324050061. (In Russ.)

9. Kravtsov A.A., Chernoutsan E.M. 2020. Natsional'nyi tsentr nauchnykh issledovaniy kak osnova razvitiya fundamental'noi nauki Frantsii: spetsifika i sovremennye problemy [The national center for scientific research as the basis for the fundamental science development in France: Specificity and contemporary problems]. *Management and Business Administration*, no. 4, pp. 98–115. DOI: 10.33983/2075-1826-2020-4-98-115. (In Russ.)

10. Sidorov A.S. 2019. Afrikanskii dzhikhad so starymi kornyami? [African jihad with old roots]. *International Trends*, vol. 17, no. 3, pp. 120–123. DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.8. (In Russ.)

11. Filippov V.R. 2022a. Operatsiya 'Barkhan': besslavnoe zavershenie? [Operation 'Barkhan': An inglorious end?]. *Asia and Africa Today*, no. 1, pp. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8. (In Russ.)

12. Filippov V.R. 2024. Sistemnyi krizis 'Fransafrik' ['Françafrique' systemic crisis]. *Journal of the Institute for African Studies*, no. 2, pp. 144–156. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156. (In Russ.)

13. Filippov V.R. 2022b. Fenomen 'Fransafrik' v zerkale frantsuzskoi istoriografii [The 'Françafrique' phenomenon as reflected in French historiography]. *Journal of the Institute for African Studies*, no. 3, pp. 73–87. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-60-3-73-87. (In Russ.)

14. Chikhachev A.Yu. 2022. *Posle Sakhelya: zakat frantsuzskogo interventsionizma?* [After the Sahel: The decline of French interventionism?]. Russian International Affairs Council. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-sakhelya-zakat-frantsuzskogo-interventsionizma/> (accessed: 05.06.2025). (In Russ.)

15. Yudin N.V. 2016. Svyazka 'bezopasnost' — razvitie': problemy teoreticheskogo osmysleniya [Security-development nexus: Dilemmas of conceptualization]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 39–71. (In Russ.)

16. Antil A. 2019. Sahel: soubassements d'un désastre. *Politique étrangère*, vol. 84, no. 3, pp. 89–98. DOI: 10.3917/pe.193.0089.

17. Antil A. 2020. Violence sans fin au Sahel. *Études*, vol. 9, pp. 19–30. DOI: 10.3917/etu.4274.0019.

18. Antil A., Touati S. 2011. Mali et Mauritanie: pays sahéliens fragiles et États résilients. *Politique étrangère*, vol. 76, no. 1, pp. 59–69. DOI: 10.3917/pe.111.0059.

19. Bauchard D. 2011. Introduction. *Politique étrangère*, vol. 76, no. 1, pp. 10–15.

20. Buzan B. 1997. Rethinking security after the Cold War. *Cooperation and Conflict*, vol. 32, no. 1, pp. 5–28. DOI: 10.1177/0010836797032001001.

21. Châtaigner J.-M. 2004. Aide publique au développement et réformes des systèmes de sécurité: l'improbable rencontre du Dr Jekyll et de Mr Hyde. *Afrique contemporaine*, vol. 1, no. 209, pp. 39–49. DOI: 10.3917/afco.209.0039.

22. Châtaigner J.-M. 2006. La réforme du secteur de sécurité dans les États et sociétés fragiles: Préalable indispensable au développement, ou dernière des illusions néocoloniales? *Afrique contemporaine*, vol. 2, no. 218, pp. 101–117. DOI: 10.3917/afco.218.0101.

23. Châtaigner J.-M. 2019a. La stabilisation du Sahel, nouveau rocher de Sisyphe? *Politique étrangère*, vol. 84, no. 3, pp. 75–88. DOI: 10.3917/pe.193.0077.

24. Châtaigner J.-M. 2019b. Sahel et France, enjeux d'une relation particulière. *Hérodote*, vol. 1, no. 172, pp. 123–136. DOI: 10.3917/her.172.0123.

25. Châtaigner J.-M., Chevalier C. 2019. Enjeux de paix et de développement: comment sortir le Sahel de la trappe à pauvreté? *Annales des Mines — Réalités industrielles*, vol. 3, pp. 29–37. DOI: 10.3917/rindu1.193.0029.

26. Châtaigner J.-M., Gaulme F. 2005. *Agir en faveur des acteurs et des sociétés fragiles. Pour une vision renouvelée des enjeux de l'aide au développement dans la prévention et la gestion de crises: Document de travail n°4*. Paris, AFD. Available at: <https://www.afd.fr/fr/ressources/agir-en-faveur-des-acteurs-et-des-societes-fragiles> (accessed: 05.06.2025).

27. Collier P. et al. 2003. *Breaking the conflict trap: Civil war and development policy*. Washington, D.C., World Bank.

28. Gaulme F. 2018. Conflits d'Afrique subsaharienne: l'éternel retour? *Politique étrangère*, vol. 83, no. 3, pp. 39–50. DOI: 10.3917/pe.183.0039.

29. Gaulme F. 2010. Consolider les États fragiles. *Études*, vol. 412, no. 6, pp. 729–740. DOI: 10.3917/etu.4126.0729.

30. Gaulme F. 2004. Éditorial. *Afrique contemporaine*, vol. 1, no. 209, pp. 5–6. DOI: 10.3917/afco.209.0005.

31. Gaulme F. 2011a. 'États faillis', 'États fragiles': concepts jumelés d'une nouvelle réflexion mondiale. *Politique étrangère*, vol. 76, no. 1, pp. 17–29. DOI: 10.3917/pe.111.0017.

32. Gaulme F. 2013. Intervenir au Mali: le retour du politique. *Études*, vol. 5, no. 418, pp. 583–594. DOI: 10.3917/etu.4185.0583.

33. Gaulme F. 2011b. *L'architecte et les États fragiles. L'aide au développement dans la sécurité mondiale*. L'Institut français des relations internationales (IFRI). Available at: <https://www.ifri.org/fr/publications/etudes-de-lifri/larchitecte-etats-fragiles-laide-developpement-securite-mondiale> (accessed: 05.06.2025).

34. Gaulme F., Antil A. 2024. *L'approche territoriale intégrée (ATI): Espoirs et limites d'une stabilisation locale au Sahel*. Etudes de l'IFRI. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/ifri_gaulme_antil_ati_sahel_2024.pdf (accessed: 05.06.2025).

35. Guillaumont Jeanneney S. et al. 2016. *Allier sécurité et développement Plaidoyer pour le Sahel*. Vol. 1. Clermont-Ferrand, Fondation pour les études et recherches sur le développement international (Ferdi). Available at: <https://ferdi.fr/dl/dF-VtMSyiido9x2EmdEdRAr9fBf/allier-securite-et-developpement-volume-1.pdf> (accessed: 05.06.2025).

36. Jacquemot P. 2010. Comment la Caisse française de développement devint l'Agence? *Afrique contemporaine*, vol. 4, no. 236, pp. 128–129. DOI: 10.3917/afco.236.0128.

37. Jacquemot P. 2023. La politique française de coopération. 'Je t'aide, moi non plus'. *Afrique contemporaine*, no. 276, pp. 263–279. DOI: 10.3917/afco1.276.0263.

38. Leboeuf A. 2006. Sécurité et développement: acteurs et consensus. *Afrique contemporaine*, vol. 2, no. 218, pp. 69–83. DOI: 10.3917/afco.218.83.

39. Borrel T., Boukari Yabara A., Collombat B., Deltombe T. (eds.). 2021. *L'empire qui ne veut pas mourir: Une histoire de la Françafrique*. Paris, Seuil.

40. Maïga Ch.K. 2020. *La faillite de l'Etat Malien: Les origines, les responsabilités, les pistes des solutions*. Bamako, 2020.

41. Malejacq R., Sandor A. 2020. Sahelistan? Military intervention and patronage politics in Afghanistan and Mali. *Civil War*, 2020, vol. 22, no. 4, pp. 543–566. DOI: 10.1080/13698249.2020.1813405.

42. Marchesin P. 2016. The securitization of aid: The case of France. In: Brown S., Grävingholt J. (eds.). *The securitization of foreign aid*. London, Palgrave Macmillan, pp. 64–84.

43. Meimon J. 2007. Que reste-t-il de la Coopération française? *Politique africaine*, vol. 1, no. 105, pp. 27–50. DOI: 10.3917/polaf.105.0027.

44. Michailof S. 2011. Comment sortir de l'ornière les pays 'faillis'? *Politique étrangère*, vol. 76, no. 1, pp. 31–43. DOI: 10.3917/pe.111.0031.

45. Michailof S. 2018. Mali, une guerre sans fin? *Revue Défense Nationale*, vol. 2, no. 807, pp. 51–55. DOI: 10.3917/rdna.807.0051.

46. Michailof S. 2023. Plaidoyer pour une nouvelle politique africaine. *Revue Défense nationale*, vol. 5, no. 860, pp. 33–39. DOI: 10.3917/rdna.860.0033.

47. Michailof S. 2017. *Sahel: face à l'insécurité, l'aide publique au développement ne peut se contenter de slogans*. l'IRIS. Available at: <https://www.iris-france.org/> (accessed: 05.06.2025).

48. Véron J.-B. 2006a. Éditorial. *Afrique contemporaine*, vol. 2, no. 218, pp. 5–7. DOI: 10.3917/afco.218.05.

49. Véron J.-B. 2006b. Introduction thématique. Conflit, sécurité et développement: un nouveau paradigme, mais pour quels usages? *Afrique contemporaine*, vol. 2, no. 218, pp. 19–32. DOI: 10.3917/afco.218.32.

50. Véron J.-B. 2004. La délicate mais indispensable implication de l'aide dans les conflits. *Afrique contemporaine*, vol. 1, no. 209, pp. 51–64. DOI: 10.3917/afco.209.0051.

51. Véron J.-B. 2015. Serge Michailof. Africanistan. L'Afrique en crise va-t-elle se retrouver dans nos banlieues? *Afrique contemporaine*, vol. 4, no 256, pp. 164–166. DOI: 10.3917/afco.256.0164.

52. Véron J.-B. 2022. Une guerre perdue, la France au Sahel. *Afrique contemporaine*, vol. 1, no. 273, pp. 178–181. DOI: 10.3917/pe.111.0059.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024;
одобрена после рецензирования 06.06.2025;
принята к публикации 10.09.2025

The paper was submitted 09.12.2024;
approved after reviewing 06.06.2025;
accepted for publication 10.09.2025